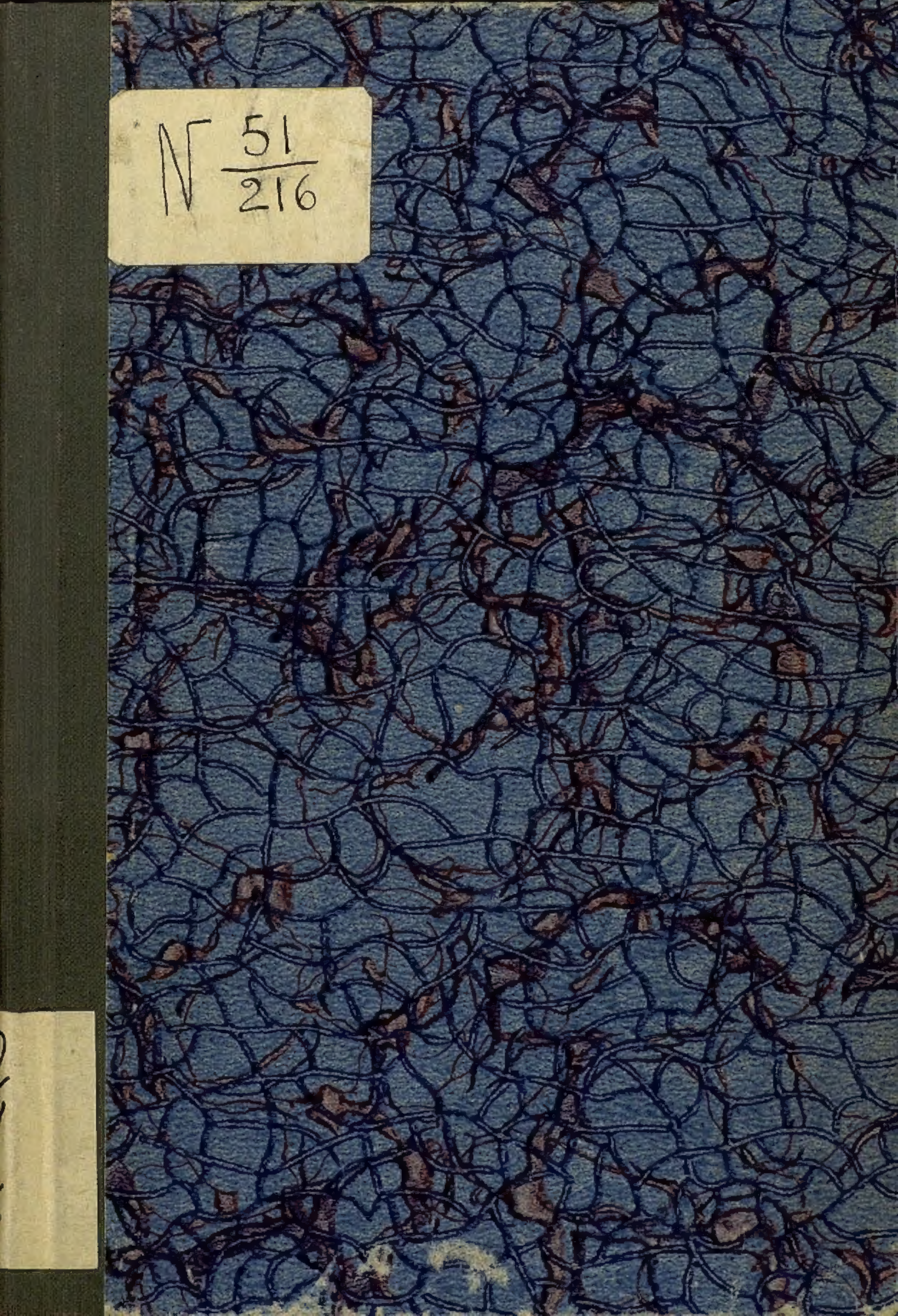
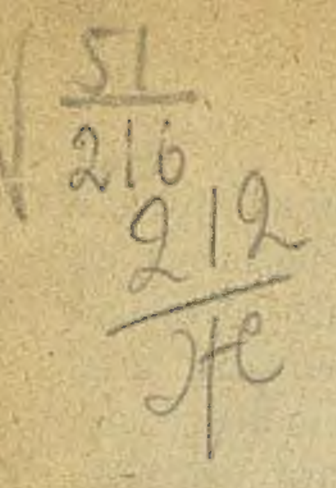

N 51/216





Отрывки изъ религіозно-бытовой исторіи русскаго общества и народа въ XVIII столѣтіи.

1. Раменское самосожженіе.

Самосожигательство раскольниковъ составляетъ одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ въ русской исторіи. Положимъ, число самосожигавшихся не было такъ велико на самомъ дѣлѣ, какъ о томъ разсказываютъ раскольническіе исторіографы, которые исчисляютъ сжегшихся не иначе, какъ тысячами; тѣмъ не менѣе оно было громадно. По свидѣтельству раскольничьихъ историковъ [1]), которые не опровергаются прямо, а иногда и подтверждаются писателями православными [2]), съ тюменскимъ попомъ Дометіаномъ сгорѣло до 1700 человѣкъ; съ Ваською Шапошникомъ — три большихъ деревянныхъ зданія, наполненныя раскольниками; въ Палеостровскомъ монастырѣ сгорѣло раскольниковъ сначала (въ 1687 г.) 2700 человѣкъ, въ другой разъ (въ 1689 г.) 500 человѣкъ; въ Пудожскомъ погостѣ сгорѣло съ «инокомъ» Іосифомъ 800 человѣкъ. Это—болѣе извѣстные и крупные факты самосожигательства. Въ «исторіи Выговской пустыни» Ивана Филипова и въ исторіи Министерства Внутреннихъ дѣлъ г. Варадинова передается масса фактовъ менѣе крупныхъ. Но, конечно, число самосожженій далеко не исчерпывается тѣми свѣдѣніями, какія извѣстны доселѣ, что доказывается и приводимымъ ниже разсказомъ, котора-

---

[1]) Исторія Выгов. пустыни, изд. Кожанчикова, стр. 42 и др.

[2]) Митрополита Сибирскаго Игнатія 2-е и 3-е посланіе.

го нѣтъ ни въ «исторіи Выговской пустыни», ни въ другихъ извѣстныхъ доселѣ матеріалахъ. Значеніе этого разсказа въ томъ, что онъ заимствуется не изъ раскольничьяго историка, который непремѣнно вложилъ бы въ него свой смыслъ, и не изъ православнаго обличителя раскола, современнаго событію, каковъ напримѣръ митрополитъ Игнатій, который свѣдѣнія свои заимствуетъ изъ вторыхъ рукъ и имѣетъ всегда въ виду цѣль лишь пастырско-полемическую, а потому и не задается критическою провѣркою дошедшихъ до него свѣдѣній,—а изъ подлиннаго суднаго дѣла, изъ показаній лицъ, бывшихъ непосредственными участниками событія. Такихъ разсказовъ о самосожигателяхъ, заимствованныхъ изъ непосредственныхъ оффиціальныхъ источниковъ, къ сожалѣнію, до настоящаго времени очень не много. Намъ извѣстны въ этомъ родѣ лишь Пудожское дѣло (Акты Историч., т. V) и судное дѣло о разореніи Палеостровскаго монастыря (Олонец. губ. Вѣдомости, 1849 г., №№ 1—14). Въ простодушныхъ и несомнѣнно искреннихъ показаніяхъ самихъ раскольниковъ, обрекшихъ было себя на самосожженіе, но спасшихся помимо своей воли, предъ нами ясно обрисовывается внутренній смыслъ этихъ грустныхъ фактовъ,—смыслъ, котораго часто не достаетъ или который прямо извращается какъ у раскольничьихъ историографовъ, такъ и въ оффиціальныхъ отпискахъ и доношеніяхъ канцелярій того времени.

Надъ этимъ внутреннимъ смысломъ самосожигательства не разъ останавливались нѣкоторые представители нашей заряждающейся культурно-бытовой исторіи. Одни хотятъ видѣть въ самосожженіяхъ единственно непосредственное слѣдствіе преслѣдованія раскольниковъ со стороны Никоніанъ, средство, къ которому раскольники прибѣгали для того, чтобы избѣжать болѣе мучительной смерти. Такъ думаютъ авторъ предисловія къ изданію Исторіи Выговской пустыни (въ изданіи Кожанчикова) и покойный Пекарскій (Наука и литература при Петрѣ I, т. II, стр. 551). Другіе видятъ въ самосожженіяхъ лишь крайнее проявленіе религіознаго энтузіазма раскольниковъ, практическое осуществленіе сложившихся у нихъ взглядовъ на жизнь земную и загробную, такъ что внѣшнія причины тутъ будто бы не имѣютъ никакого

значенія (Щебальскій — Правленіе царевны Софіи, «Русск. Вѣстникъ», 1856 г., № 7 и др.). Мы думаемъ, что въ самосожигательствѣ раскольниковъ имѣли мѣсто оба мотива, и страхъ гоненій отъ Никоніанъ, угрожавшихъ, по мнѣнію раскольниковъ, смертію болѣе мучительною, чѣмъ какую представляло самосожженіе, и чистое религіозное убѣжденіе, развивавшееся до послѣдней степени экзальтаціи, не безъ вліянія, конечно, тогдашняго внѣшняго положенія ревнителей древняго благочестія среди Никоніанъ; въ однихъ случаяхъ дѣйствовала которая-либо одна изъ этихъ двухъ причинъ; въ иныхъ оба мотива совпадали въ одно и производили наиболѣе ужасные факты самосожженія.

Что не одни преслѣдованія со стороны властей были непосредственною причиною самосожженій, что самосожженія раскольниковъ вызывались иногда единственно ихъ религіознымъ ученіемъ, видно изъ того, что еще протопопъ Аввакумъ проповѣдывалъ самосожженіе, какъ догматическій принципъ раскола: иніи ревнители закона, говоритъ онъ въ своей книгѣ на крестоборную ересь, уразумѣвше лесть отступленія, да *не погибнутъ злѣ духомъ своимъ*, собирающеся во дворы съ женами и дѣтками, сожигахуся огнемъ *своею волею*: блаженъ *изволъ сей* о Господѣ [1]. Подобнымъ образомъ вышеупомянутый тюменскій попъ Дометіанъ [2]) писалъ къ одному изъ своихъ единомышленниковъ: «собрались ко мнѣ въ пустыню добродѣтельные мужи и жены, дѣвы и отроки, и всѣ просятъ *втораго* неоскверняемаго крещенія огнемъ: что повелитъ твоя святыня?» Много извѣстно фактовъ самосожженія раскольниковъ въ такое время, когда они пользовались полною терпимостію со стороны правительства: таковы самосожженія въ Зеленецкомъ монастырѣ въ царствованіе Екатерины II-й, покушеніе на самосожженіе въ Саратовской губерніи въ 1702 г. [3]).

Но за всѣмъ тѣмъ самосожженія раскольниковъ, фактъ

---

[1]) Описаніе нѣкот. раск. сочин. Ал—дра Б., ч. II, стр. 5.

[2]) См. Истор. Раск. м—та Макарія, ст. 248.

[3]) См. Варадинова, Истор. М—ва Внутр. дѣлъ, т. VIII, стр. 57—58.

единственный въ своемъ родѣ во всей всемірной исторіи, на долго останется проблеммой русской народной психологіи. Единственный, или по крайней мѣрѣ наилучшій, путь для рѣшенія этой проблеммы—въ анализѣ собственноустныхъ показаній раскольниковъ, участниковъ этихъ фактовъ, и въ обслѣдованіи подлинныхъ документовъ, относящихся къ этимъ событіямъ, каковыхъ въ архивахъ сохранилось, конечно, не мало.

19-го іюня 1726 года, Шенкурскаго уѣзда, Озерецкой волости, священникъ Гавріилъ Яковлевъ, да мірскіе люди, чрезъ жителя той же волости Ивана Петрова Одинцова подали Шенкурскаго острога протопопу Алексѣю Иванову и въ канцелярію на полковой дворъ доношенія, въ которыхъ писали, что ихъ Озерецкой волости изъ семи дворовъ крестьяне съ женами и дѣтьми ушли въ Черный лѣсъ, за десять верстъ, гдѣ обрѣтались раскольники, у которыхъ учителемъ былъ каргополецъ Исаакій, простой мужикъ, не рукоположенецъ; а снабдитель въ пищѣ и въ книгахъ и во всякой нуждѣ пособщикъ и строитель—той же озерецкой волости богатый мужикъ Максимъ. Когда обрѣтавшійся на воеводствѣ въ Шенкурскѣ маэоръ Михайло Иванычъ Чернявскій, свѣдавъ о томъ изъ доноса, на другой день поѣхалъ туда, въ Черный лѣсъ, взявъ съ собой солдатъ, и послалъ къ бѣглецамъ увѣщательное письмо; то учители раскольническіе, Исаакій и Максимъ, написавъ на томъ письмѣ, что за Христа и Богородицу и за шесть соборовъ умереть готовы, зажгли часовню, въ которой были всѣ собраны, и всѣ сгорѣли, числомъ будетъ душъ восемьдесятъ, остались лишь отрочата—обозжены, мертвы и скорчены; изъ взрослыхъ удалось спасти волокомъ черезъ окно лишь одну старую бабу, о которой носился слухъ по деревнямъ, что она воровала чужихъ дѣтей и отнашивала въ ту пустыню, и четырехъ мужиковъ, которые сообщили, что предъ сожженіемъ всѣ въ часовнѣ исповѣдывались у того Исаакія и что вокругъ часовни была построена ограда. Преосвященный Варнава, архіепископъ Холмогорскій, получивъ доношеніе о томъ отъ протопопа Алексѣя Иванова, распорядился, чтобы онъ, протопопъ, отъ

священниковъ и прихожанъ той волости собралъ о всемъ происшествіи подробныя свѣдѣнія, а также потребовалъ, чтобы взятыхъ маэоромъ раскольниковъ и бабу маэоръ прислалъ къ нему, преосвященному, для допроса. Св. Синодъ, получивъ о вышеизложенномъ доношеніе преосвященнаго Варнавы, 21 сентября опредѣлилъ: съ доношенія преосвященнаго Варнавы послать копію въ Сенатъ, а преосвященному дать указъ, дабы онъ о самосожженіи раскольниковъ изслѣдовалъ накрѣпко со всякимъ прилежаніемъ — не было ли имъ кромѣ увѣщанія какого-либо унужденія, обидъ и раззоренія. Іюня 2-го. 1727 года, преосвященный Варнава прислалъ въ Синодъ при доношеніи копіи съ показаній четырехъ раскольниковъ, изъ которыхъ одинъ, Данило Савинскій, былъ пойманъ на дорогѣ и служилъ вожатымъ для маэора при отыскиваніи въ лѣсу скита, а остальные—Тимоѳей Ивановъ Огудинъ, Гаврило Марковъ Худяковъ и женка Анна Гаврилова—были взяты «изъ самаго сожженія». Сущность ихъ показаній состоитъ въ слѣдующемъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Черносошной деревни Гаврилихи находится лѣсъ Раменье, въ которомъ еще отцомъ богатаго крестьянина этой деревни Максима Нечаева, за два года до происшестія, построена была «пустынь»,—состоявшая изъ двухъ келій, мужской и женской, съ общею часовней, окруженная заборомъ. Въ ней настоятельствовалъ вышеупомянутый каргополецъ Исаакій. Крестьяне Гаврилихи, за исключеніемъ Максима, его семьи и родичей, ходили въ православную церковь, исповѣдывались и причащались; Максимъ убѣждалъ ихъ, что этого дѣлать не слѣдуетъ, ибо на церквахъ крестъ католицкій, служатъ и поютъ тамъ по новому, а не по старому, младенцевъ крестятъ противъ солнца, и крестятся щелкуномъ, щепотью. Въ одно время Максимъ и его родственники явились въ дома своихъ односельцевъ, убѣждали ихъ пойти въ ихъ пустынь Богу молиться. Данило Савинскій сначала ихъ не слушалъ, но когда дали ему два хлѣбца маленькихъ, и велѣли ѣсть, и какъ-де онъ тѣ хлѣбцы съѣлъ, и тогда идти съ ними въ ту пустыню похотѣлъ. Тимоѳей Ивановъ, жившій въ Гаврилихѣ въ работникахъ, когда ему предложили идти молиться въ пустыню, отвѣчалъ было, что тамъ хлѣба будетъ взять

негдѣ, но ему сказали: не тужи, сытъ будешь. Такимъ образомъ семь семействъ отправились въ пустынь. Когда, придя, они предстали предъ Исаакія и Максима, то тѣ велѣли сперва поклониться имъ, Исаакію и Максиму, въ ноги, и сказать: «благословите, братія святая, въ пустыню намъ войти», на что Исаакій отвѣчалъ: «Богъ благословитъ васъ молиться Богу и трудиться!» Затѣмъ пришедшіе выучивались произносить извѣстную молитву не «Господи Іисусе Христе *Боже нашъ*, помилуй насъ», а «Господи Ісусе Христе *Сыне Божій*, помилуй насъ», научались раскольничьему перстосложенію и оставались въ «пустынѣ», живя — мущины въ одной кельѣ, а женщины въ другой; каждый день выслушивали въ общей часовнѣ утреню, часы и вечерню, которыя совершали Максимъ и Исаакій, причемъ послѣдній кадилъ образа и раскольниковъ ладаномъ. Хлѣбомъ и пищею всѣхъ собравшихся снабжалъ Максимъ, привозя все изъ своей деревни, а иное покупая на свои деньги. Всѣхъ собравшихся было мужеска пола двадцать четыре или двадцать пять, а женска—пятьдесятъ шесть душъ. Чернявскій, узнавъ о бѣгствѣ въ лѣсъ жителей Гаврилихи, пошелъ за ними, взявъ съ собою солдатъ человѣкъ съ тридцать. Не доходя до пустыни, онъ отправилъ къ раскольникамъ крестьянина Якова Матвѣева Волокиткина съ письмомъ,—о чемъ въ томъ письмѣ писалъ, свидѣтелю неизвѣстно; Волокиткинъ подавъ письмо Максиму въ окно, сказалъ, что маэоръ идетъ съ тридцатью солдатами и съ тремя стами крестьянъ. За тѣмъ Максимъ объявивъ о грозящей бѣдѣ, велѣлъ всѣмъ собраться въ часовнѣ. Зажгли свѣчи предъ всѣми образами, одѣлись въ бѣлыя рубахи, взяли въ руки зажженныя свѣчи и собравшись въ часовнѣ, стали на молитву. Исаакій всѣхъ собравшихся исповѣдалъ, а Максимъ роздалъ всѣмъ бумажные вѣнцы съ восьмиконечнымъ крестомъ, изображеннымъ на нихъ красными чернилами, и вмѣстѣ съ Исаакіемъ говорилъ: мы за старую вѣру всѣ до единаго сгоримъ, и въ тѣхъ вѣнцахъ встанемъ предъ Христа. Никто имъ въ томъ не спорилъ. По другому показанію, услышавъ о томъ, что предстоитъ самосожженіе, раскольники стали плакать. Остановясь за двадцать сажень до ограды, Чернявскій трижды вы-

крикивалъ Максиму: «Максимъ Васильичъ, сдайся! Максимъ Нечаевъ, сдайся!» Максимъ отвѣчалъ: «но ино, господинъ маэоръ, на насъ не наступай; я-де не сдамся, и живъ въ руки не дамся, а выдамъ-де тебѣ, буде изволишь, книги, по которымъ читаемъ и поемъ». Но Чернявскій зналъ, что имъ нечѣмъ защищаться, такъ какъ у раскольниковъ было всего три винтовки, изъ которыхъ одна — сломанная, да малость (полфунта) пороху. Одинъ изъ раскольниковъ, Андрей Спиридоновъ Нечаевъ, бывшій прежде въ Ромашевскомъ кружечномъ дворѣ цѣловальникомъ, выстрѣлилъ изъ ружья пыжомъ, «чтобы попужать». Тогда Чернявскій велѣлъ солдатамъ стрѣлять и идти на приступъ. Солдаты сдѣлали залпъ, которымъ Андрей Спиридоновъ былъ убитъ; Максимъ велѣлъ всѣмъ раскольникамъ собраться въ часовню; въ это время солдаты легко овладѣли заборомъ. Тогда Максимъ, выйдя изъ часовни и, оставивъ у дверей караульщика, который долженъ былъ изъ нея никого не выпускать, поджегъ часовню и снова возвратился въ нее. Увидѣвъ огонь подъ часовней, Чернявскій крикнулъ: «сдайся, Максимъ Васильичъ, не гори напрасно и другихъ при себѣ не губи!» Но отвѣта уже не послѣдовало. Задыхаясь отъ дыма, раскольники толпились у оконъ часовни, солдаты едва успѣли вытащить изъ огня старуху Анну Гаврилову, да двое раскольниковъ сами выскочили: остальные всѣ сгорѣли. Уходя изъ Раменья, Чернявскій повезъ съ собою пожитки пустынниковъ: хлѣбъ ржаной (мѣръ девяносто), овесъ, шубы, овчины, портна, коровъ четырнадцать, телятъ и прочее. Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, св. Синодъ 19 іюля 1727 года опредѣлилъ: послать въ Сенатъ вѣдѣніе, въ которомъ объявить, дабы оному маэору и инымъ свѣтскимъ командирамъ такіе непорядочные поступки воспретить, ибо по всему видно, что оные раскольники предали себя сожженію, видя отъ него, маэора, себѣ страхъ. Въ этомъ справедливомъ и гуманномъ опредѣленіи Синода нельзя не видѣть вліянія преосвященнаго Өеофана Прокоповича, который на извѣстномъ доносѣ Халтурина на Выговцевъ написалъ такую резолюцію: «раскольниковъ наставлять и сколько можно обращать къ Церкви святой не страхомъ и нуждою, но прямой Евангельской истины проповѣданіемъ» [1].

[1]) Раскол. дѣла XVIII ст. Есипова, т. II, стр. 214.

2. Стольникъ Михаилъ Самаринъ и коммисаръ Крекшинъ.

12 февраля 1722 г. при слѣдствіи о злоупотребленіяхъ въ Кронштадтѣ, производившемся генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ, заявлено было комиссаромъ Крекшинымъ, на основаніи черныхъ записей капитана Максима Аничкова, обвиненіе въ расхищеніи казны стольникомъ Самаринымъ, бывшимъ въ Кронштадтѣ у гаваннаго и канальнаго дѣла. Въ числѣ двадцати обвинительныхъ пунктовъ на Самарина оказалось въ 11-мъ пунктѣ обвиненіе его въ расколѣ. Адмиралтействъ-Коллегія въ слѣдствіе этого прислала въ Синодъ при доношеніи копію съ онаго 11-го обвинительнаго пункта на Самарина, предлагая изслѣдовать о немъ, что касается его раскольничества. По донесенію Аничкова и Крекшина, Самаринъ бранитъ мощи св. чудотворцевъ, образамъ кланяться не велитъ, говоритъ многую противность, утромъ, вечеромъ и послѣ яствія благодареніе не воздаетъ и умствуетъ о законѣ. Иконамъ кланяться не велитъ тѣлесно, а только мыслію и духомъ; ибо иконы—мало не идолы; мощи называетъ мотолыгами и гнилыми костями; кромѣ законной жены надлежитъ, по его ученію, имѣть другую, постороннюю. Аничковъ два года зналъ объ этихъ заблужденіяхъ Самарина, но не доносилъ о нихъ потому, что ждалъ не придетъ ли онъ въ чувство. Въ 1720 и 1721 г. Самаринъ бранилъ Варлаама чудотворца; Крекшинъ оспаривалъ его во всѣхъ его ересяхъ со многими другими. Св. Синодъ 9 марта опредѣлилъ: по содержанію обвиненія допросить Самарина, и для того вытребовать его, а равно и доносителей, въ Синодъ. Адмиралтействъ-коллегія, на полученный изъ Синода указъ, увѣдомила Синодъ, что Самаринъ и Крекшинъ находятся въ вѣдѣніи Сената, а Аничковъ въ военной коллегіи, оттуда Синоду и надлежитъ ихъ требовать. Св. Синодъ мая 16 опредѣлилъ послать, согласно этому доношенію, вѣдѣніе въ Сенатъ и указъ въ военную коллегію о высылкѣ Аничкова,

Крекшина и Самарина. Сенатъ 26 сентября отвѣчалъ, что объ отсылкѣ въ Синодъ Самарина промеморія послана въ адмиралтействъ-коллегію, а о Петрѣ Крекшинѣ слѣдуетъ требовать отъ князя Меньшикова, у котораго онъ находится въ особой дирекціи. Св. Синодъ 26 сентября опредѣлилъ: Крекшина потребовать послѣ того, какъ явится въ Синодъ Самаринъ. 19 октября Самаринъ донесъ Синоду, что Крекшинъ и Аничковъ умыслили на него оное ругательство и расколъ напрасно, чего онъ не токмо не дѣлалъ, но ниже мыслилъ; что по обвиненію ими въ похищеніи имъ Самаринымъ казны ничего не сыскано; что самъ Крекшинъ отбываетъ отъ платежа по кронштадтскому канальному дѣлу незаработанныхъ имъ денегъ многія тысячи рублей, а Аничковъ—отъ подачи отчета въ расходѣ всякаго рода матеріаловъ; что онъ, Самаринъ, иконамъ покланяется и мощи чтитъ, какъ подобаетъ православному христіанину и имѣетъ духовныхъ отцовъ: іеромонаха Александро-Невскаго монастыря Спиридона, кронштадтскаго протопопа Өеодота Исидорова, священника церкви Воскресенія Игнатія Матвѣева, и домовой церкви преосв. Өеофана іеромонаха Константина. Св. Синодъ 19 октября опредѣлилъ: допросить вышеозначенныхъ лицъ, у кого когда былъ Самаринъ на исповѣди и у причастія св. таинъ, и не признаютъ ли они за нимъ какой противности, а Аничкова и Крекшина потребовать къ отвѣту, какія они имѣютъ доказательства своего обвиненія; Самарину до окончанія слѣдствія быть въ С.-Петербургѣ неотлучно, въ чемъ взять отъ него подписку. Всѣ четверо вышеупомянутыя духовныя лица показали, что Самаринъ у нихъ исповѣдывался и св. таинъ пріобщался, и что никакой противности св. Церкви за нимъ они не знаютъ. Что касается Аничкова, бывшаго въ Казани, то онъ, прибывъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1727 года, подалъ въ Синодъ доношеніе, въ которомъ настаивалъ на своемъ обвиненіи, ссылаясь на нѣсколькихъ свидѣтелей, изъ которыхъ впрочемъ главные къ допросу уже не могутъ явиться: коммисаръ Васильевъ и дьякъ Прохоровъ—померли, Клокачевъ — въ Москвѣ въ параличѣ; Воробьевъ по кронштадтскимъ дѣламъ пытанъ. Въ заключеніе Аничковъ просилъ запирательству Самарина не вѣрить и допросить Крекшина и

дьяка Захарова. Что касается отцовъ духовныхъ, на которыхъ ссылался Самаринъ, то свидѣтельство ихъ, по словамъ Аничкова, не имѣетъ значенія, такъ какъ они при хульныхъ рѣчахъ Самарина не присутствовали. Св. Синодъ 22-го ноября 1727 г. опредѣлилъ допросить Самарина въ присутствіи Крекшина и Аничкова. Крекшинъ и Аничковъ явились въ Синодъ, Самаринъ же сказался больнымъ, а потомъ 11 декабря уѣхалъ въ Москву. Тогда Аничковъ подалъ въ св. Синодъ доношеніе, въ которомъ жалуясь на разореніе, которому подвергся въ слѣдствіе отвлеченія отъ службы, дальняго пути и долговременнаго пребыванія въ Петербургѣ, просилъ поступить съ Самаринымъ какъ уложеніе и указы императорскаго величества повелѣваютъ, а его, Аничкова, отпустить къ мѣсту службы, чтобы ему совсѣмъ не разориться и не умереть гладомъ. 20 декабря 1727 г. св. Синодъ опредѣлилъ: такъ какъ Самаринъ, презирая указы его величества, уѣхалъ въ Москву послѣ того, какъ далъ подписку не оставлять Петербурга до окончанія слѣдствія, то требовать отъ Сената, чтобы Самарину, по силѣ высочайшей резолюціи 12 апрѣля 1722 г., учинить штрафъ и потомъ прислать его въ Синодъ для рѣшенія дѣла о немъ немедленно; затѣмъ — Крекшина и Захарова допросить нынѣ же, а Аничкова отпустить въ его полкъ по прежнему. На допросѣ Крекшинъ подтвердилъ донесеніе Аничкова, дополнивъ его разсказомъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ обнаружилась ересь Самарина: читая букварь и въ немъ десять заповѣдей, Самаринъ указывалъ на вторую заповѣдь, яко бы запрещавшую иконы, св. Варлаама, новгородскаго чудотворца, бранилъ матерны и отвергалъ его чудеса—о извожденіи огня и устрашеніи царя; Антонія Римлянина бранилъ же, отвергая будто онъ прибылъ въ Новгородъ по морю на камнѣ; о св. Іаковѣ Боровскомъ говорилъ, что онъ утопленникъ, пьяный утонулъ переѣзжая рѣку. Захаровъ, подтверждая заявленіе Аничкова, прибавилъ, что въ основаніе своего мнѣнія, будто можно имѣть кромѣ вѣнчанной жены и другую, онъ приводилъ слова апостола: еда не имамъ власти сестру жену водити, разумѣя подъ сестрою также жену, противъ чего Аничковъ возражалъ, что въ словахъ апостола нѣтъ союза *и*, сказано:

сестру жену, а не *сестру* и *жену*. Между тѣмъ Самаринъ, не дожидаясь сыска, 3 мая 1728 года явился въ Синодѣ самъ и словесно просилъ, чтобы по его дѣлу учинено было рѣшеніе. Св. Синодъ опредѣлилъ предъявить ему раньше еще составленные допросные пункты. Дѣло оканчивается отвѣтами Самарина на эти пункты, въ которыхъ онъ безусловно отрицаетъ справедливость взводимыхъ на него обвиненій и кромѣ того дѣлаетъ отводъ указываемыхъ обвинителями свидѣтелей, которые всѣ, какъ и обвинители, были у него нѣкогда подъ командой, были имъ нѣсколько разъ подвергаемы взысканію, а потому имѣютъ на него злобу.

3. Князь Меньшиковъ и смоленскій помѣщикъ Вонлярлярскій (фонъ-Лярскій).

21 октября 1726 года въ св. Синодѣ полученъ былъ слѣдующій именной Высочайшій указъ: «Прошедшаго сентября 28 дня въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ слушано сенатское доношеніе и выписка по дѣлу нашего рехсъ-маршала и генерала фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Меньшикова съ Иваномъ Лярскимъ, въ которомъ показаны его, Лярскаго, явныя и тяжкія вины и продерзости, и хотя Сенатъ за тѣ его вины по силѣ государственныхъ правъ и воинскихъ артикуловъ достойно судилъ его казнить смертію, однако же мы смертію казнить его не указали, а указали учинить ему наказанье—бить кнутомъ и сослать въ ссылку на вѣчное житье въ сибирскіе города, а изъ св. Синода въ сибирскую епархію послать нашъ указъ, чтобы надъ нимъ Лярскимъ имѣли смотрѣніе, дабы онъ вѣру греческаго исповѣданія впредь содержалъ непремѣнно. И повелѣваемъ св. Синоду чинить по сему нашему указу, а въ сенатъ о вышеписанномъ нашъ указъ посланъ. Октября 18 дня 1726 года». Св. Синодъ 21 октября опредѣлилъ: «понеже въ св. Синодѣ о немъ (Лярскомъ), какое въ вѣрѣ христіанскаго благочестія обрѣтается сумнительство, никакого извѣстія не имѣется, того ради требовать изъ Сената о Лярскомъ обстоятельнаго извѣстія—что касается до вѣры греческаго исповѣданія». Изъ обширнаго вѣдѣнія Сената, присланнаго въ Синодъ 11

ноября, видно слѣдующее: въ 1704 году, по прошенію польскаго короля, велѣно Лярскаго отпустить съ женою и дѣтьми на вѣчное житье въ Литву. Въ посланной въ Смоленскъ (мѣсто жительства Лярскаго) изъ посольскаго приказа грамматѣ значилось, чтобы при отпускѣ его въ Литву у него взята была сказка съ подкрѣпленіемъ о томъ, чтобы будучи ему въ Литвѣ своей благочестивой вѣры не покинуть, и быть въ ней до скончанія жизни, и въ противности его императорскому величеству не быть, и въ томъ его привесть къ крестному цѣлованію. Изъ Смоленска отвѣтствовано, что по сему указу въ Смоленскѣ Лярскимъ все исполнено и онъ за рубежъ отпущенъ. 27 марта 1724 года Меньшиковъ донесъ, что Лярскій «Богу солгалъ—нарушилъ вѣру». Лярскій отрицалъ справедливость этого донесенія, утверждая, что вѣру, въ которой родился и на чемъ присягалъ, содержитъ твердо, въ доказательство чего представилъ свидѣтельства отъ священниковъ, у которыхъ исповѣдывался и причащался—1 іюня Алтуховича, уставника монастыря Кутеинскаго. Меньшиковъ декабря 19-го 1824 года и августа 25-го 1725 года донесъ, что тѣ благопріятныя для Лярскаго свидѣтельства даны по принужденію и по насильному приказу бывшаго тогда въ монастырѣ томъ игумена Антонія Денисовича, называвшагося родственникомъ Лярскаго; что самъ Лярскій отрицаетъ подлинность этихъ документовъ, и заявляетъ, что ни однажды у православной исповѣди и причастія не былъ, а исповѣдывался и причащался въ римскихъ костелахъ. Кромѣ того въ подтвержденье отступничества Лярскаго Меньшиковъ представилъ слѣдующіе документы: 1) свидѣтельство плебана Оршанскаго Николая Дашкевича отъ 10 ноября 1724 года о томъ, что Лярскій исповѣдывался и причащался въ разныхъ костелахъ въ Оршѣ. Лярскій отвергалъ подлинность этого письма: но Меньшиковъ 1 декабря 1725 года представилъ письмо Дашкевича къ виленскому протопресвитеру Полубинскому о томъ, что Лярскій былъ и есть католической вѣры, о чемъ вѣдаетъ весь повѣтъ Оршанскій; что онъ не былъ бы избранъ въ судьи, если бы не былъ католикомъ, что онъ построилъ домъ ксензамъ доминиканамъ оршанскимъ и ризами снабдилъ; что жена его съ дочерьми пріѣхала рус-

скою. а стала католичкою, и говорила, что если бы давали ей весь свѣтъ—не была бы русскою: 2) письмо оршанскаго ксенза Антонія Неглавза отъ 11 ноября 1724 года о томъ, что Лярскій добрый католикъ и нынѣ есть кондукторомъ доминикановъ»; 3) свидѣтельство ксенза Бялозера, дьякона виленскаго, о томъ, что Лярскій въ костелахъ римскихъ часто исповѣдывался и причащался. Хотя Лярскій, подлинность и значеніе и этихъ писемъ отвергаетъ, писалъ Меньшиковъ, но изъ всѣхъ данныхъ видно, что Лярскій оставя греческую вѣру, вступилъ въ римскую. Лярскій въ прошеніи 8 марта 1725 года объяснилъ, что свѣтлѣйшій нарочито посылалъ въ государство польское, чтобы дали свидѣтельство о томъ, что онъ, Лярскій, у священниковъ польскихъ исповѣдывался, и въ подтвержденіе этого предъявилъ грамату управителя имѣнія Меньшикова Потемкина къ оршанскому гвардіану о томъ, что оный гвардіанъ за неподаніе упадшему человѣку помощи и за ненаписаніе, когда надлежитъ, правды, по Бозѣ и совѣсти, ему, Потемкину, болѣе не показывался и съ нимъ не знался. Но это письмо, продолжалъ Меньшиковъ, къ сему дѣлу нимало не принадлежитъ, понеже о вѣрѣ въ немъ ничего не упоминается. Св. Синодъ, 18-го ноября, опредѣлилъ: по содержанію указа Верховнаго Тайнаго Совѣта изъ Синода къ преосвященному Антонію, митрополиту Тобольскому, послать указъ съ присоединеніемъ копіи съ вышеприведеннаго сенатскаго вѣдѣнія. Преосвященный Антоній прислалъ въ св. Синодъ доношеніе, отъ 20-го мая 1729 года, съ присоединеніемъ прошенія Лярскаго и написаннаго рукою Лярскаго исповѣданія вѣры,—въ которыхъ Лярскій въ своемъ отступленіи въ римскую вѣру раскаялся и обращаяся отъ того заблужденія къ православной Церкви, по нѣколикодневномъ постѣ, бывъ у отца духовнаго на исповѣди, изустнымъ своимъ изрѣченьемъ мая 18-го 1729 года въ соборной церкви при народномъ собраніи предъ литургіею исповѣданіе православной вѣры учинилъ и св. таинъ пріобщился. Св. Синодъ сентября 3-го 1729 года опредѣлилъ: «сообщить о томъ Сенату вѣдѣніе, каковое и послано 16-го сентября 1729 года».

4. Поповъ сынъ Михайло Васильевъ.

17-го іюня 1726 года въ городѣ Коломнѣ близъ приказа духовныхъ дѣлъ взятъ былъ неизвѣстный «волочащійся человѣкъ», съ котомкою за плечами, въ которой кромѣ сухарей оказалась книжка, указъ изъ Переяславля въ Зарайскъ Вознесенскаго монастыря строителю іеромонаху Дороѳею, за подписью архимандрита Михаила, да выписка изъ Уложенія. Оказалось, что это Зарайскаго уѣзда села Старыни поповъ сынъ Михаилъ Васильевъ. На допросѣ въ духовномъ приказѣ ему даны были вопросы о его вѣрѣ (вслѣдствіе подозрѣнія въ расколѣ), причемъ онъ оказался вполнѣ православнымъ; лишь на вопросъ о томъ, святые на земли имѣются-ль, или взяты на небо, — сказалъ, что о томъ ничего не знаетъ, да на вопросъ объ антихристѣ отвѣчалъ, что онъ на землѣ будетъ, а имѣется-ль нынѣ, не знаетъ. Но затѣмъ посаженный подъ арестъ, Васильевъ, разговорившись со своимъ караульнымъ, заявилъ, указывая на икону св. Николая, что этому образу безъ явленія Бога онъ не вѣритъ, а затѣмъ объявилъ, что-де онъ «можетъ царя воскресить». Получивъ донесеніе о такихъ заявленіяхъ Васильева, преосвященный Варлаамъ приказалъ допросить арестанта «съ пристрастьемъ». На этомъ допросѣ Васильевъ заявилъ, что объ образѣ Николая Чудотворца онъ ничего не говорилъ, а что можетъ царя воскресить—то онъ говорилъ въ такой силѣ: онъ пустынный житель, и знаетъ ангельскую вѣсть и призрѣніе съ небеси; три года тому назадъ въ лѣтнее время, въ воскресный день въ пятомъ часу онъ видѣлъ огненный столбъ отъ земли до небеси; изъ этого столба былъ ему гласъ: поди къ заутрени. Услышавъ этотъ гласъ, онъ упалъ, вставъ снова упалъ, и такъ было до семи разъ. По оному ангельскому гласу, какъ онъ помолится Богу денно и нощно, то и воскреситъ псалтирнымъ пѣньемъ царя, и въ томъ надежду имѣетъ онъ крѣпкую «на крылу вѣтреную», для того, что близь Господа къ нему. Постоявъ мало, Васильевъ заявилъ, что имѣетъ Государево слово и дѣло. Коломенскій архіерей отослалъ Васильева въ Московскую Синодальную Канцелярію, а эта—въ

Синодъ съ мнѣніемъ (въ доношеніи отъ 1-го августа), что за «слово и дѣло» его слѣдуетъ отослать въ Преображенскій Приказъ, а по учиненіи наказанія, за объявленіе ложной святыни, сослать на галеры, чтобы впредь другимъ чинить то было не повадно. Въ Синодѣ Васильевъ объявилъ, что «слово и дѣло» сказалъ не вытерпѣвъ «пристрастія», а во всемъ прочемъ стоитъ крѣпко. Св. Синодъ 30 сентября опредѣлилъ: отослать Васильева въ Преображенскій Приказъ при копіи со всего его дѣла; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находя, что тѣхъ вопросовъ, какіе предлагалъ Васильеву судія Коломенскаго архіерейскаго дома Савватій (о имени Іисуса Христа, объ антихристѣ и проч.) дѣлать не слѣдовало, онаго Савватія въ Синодальной Московской Канцеляріи допросить, чего ради онъ таковые неприличные вопросы предлагалъ, и до рѣшенія всего дѣла о Васильевѣ держать Савватія подъ началомъ въ какомъ пристойно монастырѣ.

Въ этомъ небольшомъ эпизодѣ заслуживаетъ вниманіе заявленіе «бродячаго человѣка» о томъ, что онъ «можетъ царя воскресить». Со времени смерти Петра Великаго прошло не болѣе полутора года, и въ заявленіи Васильева рѣчь идетъ, очевидно, объ умершемъ великомъ царѣ. Доселѣ извѣстно было, что народъ русскій, склоненъ былъ видѣть въ Великомъ Преобразователѣ Россіи антихриста (Исторія Талицкаго и Левина): предъ нами теперь фактъ изъ народной жизни, доказывающій, что въ народѣ жила и симпатія къ почившему Государю: бродячему человѣку желательно видѣть снова живымъ царя и чудится, что своею молитвою онъ можетъ его воскресить!

5. Раскольничій старецъ Арсеній.

Раскольники всегда съ особеннымъ довѣріемъ относились къ преосв. Ѳеофану Прокоповичу. Біографъ Андрея Денисова, выговскаго настоятеля, разсказываетъ, что преосв. Ѳеофанъ наслышавшись объ умѣ и начитанности своего бывшаго ученика (Андрей Денисовъ учился въ Кіевской Академіи въ бытность тамъ Ѳеофана инспекторомъ и ректоромъ) неоднократно посылалъ къ нему на Выгъ письма, въ которыхъ приглашалъ

будто бы его къ себѣ, и называлъ его возлюбленнымъ о Христѣ братомъ [1]). По словамъ раскольничьяго библіографа Павла Любопытнаго, Семенъ Денисовъ писалъ Ѳеофану письмо, въ которомъ имѣлъ смѣлость доказывать вице-президенту Православнаго Синода превосходство раскола предъ православіемъ! [2]) Этимъ объясняется то обстоятельство, что 24 августа 1726 года явился къ преосв. Ѳеофану въ С.-Петербургѣ неизвѣстный старецъ, въ одеждѣ раскольничьяго монаха, и подалъ ему прошеніе, въ которомъ объяснялъ: въ 1701 г., до начала Свейской войны, въ качествѣ новгородскаго купца отправился, онъ будучи міряниномъ, въ «городъ Стекольнъ» (Стокгольмъ) съ товарами и съ четырнадцатью человѣкъ товарищей, отчасти новгородцевъ, посадскихъ людей, отчасти ладожскихъ жителей; тамъ шведы, отобравъ у нихъ деньги и товары на королевское высочество, всѣхъ ихъ послали въ Ельценфорцъ (Гельсингфорсъ) и посадили подъ арестъ. Помощію Божіею узникамъ удалось бѣжать; съ трудомъ добравшись до устья рѣки Луги, они затѣмъ благополучно прибыли въ Новгородъ. Но несчастіе такъ на всѣхъ ихъ подѣйствовало, что многіе изъ нихъ дали обѣтъ воспріять монашескій чинъ. Самъ Арсеній отправился для постриженія въ Соловецкій монастырь, но на пути, проходя чрезъ Олонецкій край, остановился на время въ Гавшезерскомъ скитѣ, а потомъ остался въ немъ совсѣмъ, такъ какъ іеромонахомъ Соловецкаго монастыря Пафнутіемъ былъ постриженъ въ монахи, двадцать одинъ годъ трудился онъ въ скитѣ своими трудами, отъ чего и пищу себѣ имѣлъ. Но тѣмъ не менѣе, очень рано, онъ усмотрѣлъ въ томъ скитѣ великое безчинство: оказалось, что скитъ состоялъ подъ вѣдѣніемъ церковныхъ противниковъ: Данилы Викулина и Андрея Денисова съ товарищи, которые велятъ праотечества своего обычаи хранить: принимать второе крещеніе отъ непосвященныхъ простцовъ, самовольно сожигаться въ огнѣ; и многіе богомерзкимъ наученьемъ ихъ второе крещеніе приняли и въ огнѣ горѣли. Усмотрѣвъ та-

---

[1]) См. Историческіе и критическіе опыты Н. Барсова, 1879 г. стр. 125.

[2]) См. монографію: братья Андрей и Семенъ Денисовы, Н. Барсова, въ «Правосл. Обозрѣніи» за 1866 годъ.

ковое безчинство, проситель рѣшился обратиться къ преосвященному Θеофану съ просьбой опредѣлить его въ общежительство какого нибудь монастыря его епархіи. Преосвященный Θеофанъ представилъ прошеніе Арсенія въ Синодъ при доношеніи, въ которомъ между прочимъ выражалъ подозрѣніе, что оный Арсеній—раскольникъ, «понеже въ скиту ономъ жилъ долго»; хотя самъ себя раскольникомъ онъ не показалъ, но и обращенія своего къ церкви не исповѣдуетъ. Къ этому преосвященный присовокупилъ, что на другой день послѣ подачи прошенія, находясь во дворѣ его дома, Арсеній въ самую полночь сталъ неистово кричать, и когда по распоряженію его, преосвященнаго, Арсенія ввели въ избу, то въ присутствіи его, онъ сталъ метаться и перстное раскольническое сложеніе называлъ мечемъ обоюдуострьемъ, а обычное церковное уничтожилъ, и говорилъ, что была вѣра старыхъ царей и настала вѣра новыхъ царей, и полагая голову свою къ столу, аки-бы къ плахѣ, кричалъ: руби меня, отруби голову; ясно было, что былъ шуменъ, но языкъ имѣлъ свободный. Приэтомъ преосвященный представилъ а) отобранныя у Арсенія бумаги, въ которыхъ преосвященный видѣлъ доказательство того, что Арсеній не только раскольникъ, но и былъ изъ числа духовныхъ управителей раскольничьяго Гавшезерскаго скита и б) показанія Арсенія на сдѣланномъ ему по распоряженію его, преосвященнаго, допросѣ. Показанія Арсенія и его бумаги составляютъ, по нашему мнѣнію весьма цѣнный матеріалъ для исторіи внутренняго быта Выговской раскольничьей общины и отношеній такъ называемыхъ скитовъ къ Выговскому монастырю. Изъ показаній Арсенія видно, что отъ роду ему было шестьдесятъ одинъ годъ; званьемъ онъ и отецъ его были «старинные домовые его преосвященства Новгородскаго архіерея бобыли. «Въ Гавшезерскомъ скиту братіи было: монаховъ десять, старицъ двадцать четыре; бѣльцовъ: мужиковъ — сорокъ четыре, женокъ и дѣвокъ бѣлицъ—сорокъ четыре, всего—сто двадцать два человѣка, всѣ раскольники. Наставникъ у нихъ монахъ Θеодосій иконникъ, а главные учители, обрѣтающіеся въ Даниловѣ монастырѣ (въ сорока верстахъ)—Данила Викулинъ и Андрей Денисовъ, а подъ ними монахъ Варла-

амъ Быковъ, уроженецъ Каргополя, посадскій человѣкъ, олончанинъ Захарія Пуловъ, новгородецъ Симонъ Іевлевъ, псковитянинъ Ипатъ Ефремовъ. Его Императорскаго Величества враговъ, онъ, Арсеній, не знаетъ. Его, Арсенія, въ скитѣ вторично крестили и сожигаться убѣждали. Бѣлозерскаго монаха Мануила, къ нимъ пришедшаго, монашества лишили, называя его еретическимъ, и сдѣлали у себя простымъ мужикомъ; женокъ и дѣвокъ, перекрещивая и воспринимая отъ купели вмѣсто духовныхъ отцовъ, берутъ къ себѣ въ келіи и живя съ ними блудодѣйствуютъ. Наставникъ Ѳеодосій живетъ въ одной кельѣ съ женкой Агаѳьей пятнадцать лѣтъ, а старшіе учители вѣдая о томъ его блудодѣйствѣ, ихъ не разводятъ. Оставилъ скитъ Арсеній въ слѣдствіе ссоры съ жителемъ скита Ѳедоромъ Мироновымъ, который изгналъ его изъ часовни и отставилъ отъ пѣнія; придя на Петровскіе Олонецкіе заводы и получивъ отъ ландрата Муравьева указъ о слѣдованіи той обиды, Арсеній побоялся возвратиться въ скитъ, гдѣ его, какъ онъ думалъ, убили бы, и отправился въ Новую Ладогу, гдѣ недѣли двѣ жилъ въ домѣ посадскаго Петра новаго. Затѣмъ былъ въ Новгородѣ и проживалъ у пасадскихъ людей, своихъ родственниковъ. Оттуда прибылъ въ Петербургъ на баркѣ, везшей въ Петербургъ Государеву плиту,—на этой баркѣ и жилъ до подачи прошенія преосвященному Ѳеофану. Въ дополнительномъ показаніи Арсеній описалъ находившееся въ часовнѣ: образъ Тихвинской Божіей Матери, копія съ подлинника, изготовленная самымъ настоятелемъ скита Ѳеодосьемъ за пятьдесятъ рублей, съ украшеніями на сто пятьдесятъ рублей; образъ Николая Чудотворца, украшенный золотомъ и серебромъ на средства Михаила Сердюкова, который снабдилъ скитъ и книгами—требникомъ, соборникомъ, Златоуста сочиненіями, кормчею, бесѣдами апостольскими; новгородецъ Семенъ Тимоѳеевъ Кашкинъ пожертвовалъ «уставъ большой». Двѣ псалтири слѣдованныя, два евангелія напрестольныхъ, два апостола, двѣ тріоди, два октая, два пролога, евангеліе толковое, двѣнадцать миней мѣсячныхъ, общая минея большая, требникъ большой, книга Ефрема Сирина, Маргаритъ, канонникъ, псалтирь малая, книга Максима Грека, видѣніе Григорія мниха — всѣ эти

книги дала вкладомъ старица Анфиса, москвитянка, жившая въ скитѣ лѣтъ пятнадцать, постриженная Пафнутіемъ въ монахини. Кромѣ того образа: Одигитрія Успенія, Смоленскія и Знаменскія, да образъ Николая угодника въ серебряныхъ окладахъ съ гривенками пожертвованы Олонецкимъ крестьяниномъ Нитомъ.—Бумаги найдены у Арсенія слѣдующія: пашпортъ изъ канцеляріи ландрата Муравьева на имя раскольника Верховскаго скита Ѳедора Иванова для проѣзда до Новгорода и С.-Петербурга; указъ отъ 30 іюня 1725 года за рукою ландрата Муравьева Андрею Денисову, Минѣ Констентинову и старостѣ Кириллу, по челобитью Верховскаго скита Гавшезерскаго старца Арсенія на Ѳедора Ларіонова въ отлучкѣ его, старца, отъ соборнаго пѣнія и отъ сборной казны.—при указѣ и копія съ просительнаго доношенія; записка, въ которой нѣкій Никита Татарникъ обвиняется въ кражѣ котла, косы и лошади, упоминается о разбоѣ старца Сергія и о другихъ такихъ же непотребствахъ. Приводимъ подлинный текстъ бумагъ Арсенія, заслуживающихъ вниманія: 1) Жалоба Арсенія на Ѳедора Миронова настоятелямъ Выгорѣцкаго монастыря; 2) инструкція Арсенію отъ суземскаго выборнаго Ѳедора Ларіонова, и 3) мировое письмо Арсенія и Ѳедора Миронова. 1. Господину Данилѣ Викуличу, и господину Андрею Денисьевичу, и господину старостѣ Кириллѣ Ивановичу, и всему честному собору, Гавшезерскаго скита Николы Чудотворца старецъ Арсеній бью челомъ вашей милости того же скита на жителя Ѳедора Миронова, въ томъ, что подана у меня на него Ѳедора вашей милости челобитная 1723 года ноября въ 3 день, о чемъ — въ ней объясняетъ, и по той челобитной допрашивалъ его Ѳедора староста Ипатъ Ефремовъ и онъ Ѳедоръ по святѣй непорочной евангельской заповѣди во всемъ заперся, и я подалъ на него другую челобитную 1724 года октября въ 24 день господину старостѣ Ѳедору Ларіонову съ товарищи, о чемъ въ челобитной объявляетъ, и онъ староста его, Ѳедора, во всемъ допрашивалъ, и онъ Ѳедоръ, вѣдаючи свое воровство, на челобитной и на распросѣ не ожидая дѣлу рѣшенія, во всемъ мнѣ старцу повинился и добилъ челомъ, и по упрошенію добрыхъ людей отца Ѳеодосія и Наума Ѳедоровича, Ва-

силія Ероѳеева, Авдея Волкова. и прочихъ слезъ ихъ ради во всемъ его безчинствѣ и убыткѣ простилъ, а въ иску волевъ Государь, и о томъ у насъ написано общее договорное мирное письмо промежъ собою, и руки приложены, что мнѣ старцу на него (иска?) не вчинать, а ему Ѳедору не отыскивать, что въ томъ письмѣ написано, стоять твердо, и я противу своей руки крѣпокъ, гдѣ рука, тутъ и голова, и онъ Ѳедоръ противъ своей руки и мирнаго договора не постоялъ, отъ пѣнья мене грѣшнаго старца отлучилъ, а прочихъ всѣхъ христьанъ нынѣшняго 1725 года генваря со втораго на десять отъ крещенія Господа Бога и Спаса Нашего Іи͠а Х͠а и по се число въ никакую часовню насъ не пускаетъ, и не звонитъ, а самъ краденые молебны поетъ, и собирается безъ звона, и нынѣ онъ Ѳедоръ ложнымъ своимъ челобитьемъ ѣздилъ на Петровскіе заводы и объявлялъ господину ландрату и ложно билъ челомъ и дѣло вчинилъ, а противу мирнаго письма не постоялъ.

Прошу вашей милости Данила Викуличъ, Андрей Денисовичъ и Кирилло Ивановичъ и весь честной соборъ, за его неустойку прикажите мнѣ взять убытки и волокиты, что я волочуся за симъ дѣломъ третій годъ, а убытки мнѣ стали сто рублевъ, да что мнѣ посылалъ братецъ Гаврила Яковлевичъ Тетюхинъ по бывшемъ старцѣ Александрѣ по его Ѳедора братей, посылалъ пятнадцать годовъ, да триста рублевъ, которые объявилъ Ѳеодосій отецъ, а въ допросахъ говорилъ (Ѳедоръ?) Великая Государыня не раторитца (?) въ томъ онъ Ѳедоръ иску и повинную принесъ. Прикажите его взять и въ крѣпки держать сковавши до вашего честнаго разыму, чтобы ему быть на лицо, когда спросятъ его на заводы, понеже за собою имѣетъ великую казну. Смилуйтесь, пожалуйте!»

2-е мирное письмо. «1724 года октября въ 24 день, выгорѣцкаго суземка старостѣ Ѳедору Ларіонову подовалъ доношеніе Верховскаго скита Гавшезерскій житель старецъ Арсеній, того же скита на Ѳедора Миронова во отлученіи меня старца отъ соборнаго пѣнія и во владѣніи собранною казною Николѣ Чудотворцу въ часовню святыхъ иконъ и книгъ и колоколовъ и прочею утварію часовенною, и въ

пріемѣ въ ту часовню подаянія отъ православныхъ христіанъ. И потому моему доношенію онъ староста его Өедора допрашивалъ, и не ожидая тому рѣшенія, онъ Өедоръ мнѣ старцу добилъ челомъ, и по прошенію старца Өеодосія и добрыхъ людей я старецъ его Өедора простилъ, на томъ, что впредь тою часовнею владѣть и святыми иконами и прочею часовенною утварью владѣть старцу Өеодосію съ братьей вообще, а книгъ сколько онъ старецъ благословитъ, а колокола, поданіе старца Александра, а въ сборѣ казны вѣдать старостѣ, и то будетъ выбранъ, а когда будетъ отъ христолюбцевъ послано сколько денегъ въ часовню, и то принимать ему же старостѣ, а которые деньги будутъ посланы на подѣлъ, и тѣ принимать старцу Өеодосію, и объявлять и подѣлять. А сбиратися на соборное пѣніе всѣмъ лѣтомъ въ теплую пору въ часовню на горѣ, а зимою сбираться на пѣніе, когда будетъ звонъ, въ келію на низу, которая строеніе старца Александра. А безъ звону соборнаго пѣнія въ келіи не творить, а во владѣніи быть ей у него Өедора Миронова съ сестрами. А отъ соборнаго пѣнія кто будетъ долженъ отлученія, отлучать по Божественнымъ правиламъ общимъ приговоромъ всѣхъ старцевъ и духовныхъ мужей, а не безвинно, и о томъ вышеозначенномъ дѣлѣ мнѣ старцу Арсенію на него Өедора челобитья не вчинять, а мнѣ, Өедору, не отъискивать. На подлинномъ письмѣ подпись: старецъ Арсеній руку приложилъ. Вмѣсто Өедора Миронова по его велѣнью Титъ Евлевъ руку приложилъ».

3) Наказъ старцу Арсенію. «Гавшезерскаго скита старцу Арсенію имѣть надсмотръ, чтобы въ томъ скитѣ старцы и старицы и бѣльцы жили по преданію св. отецъ и по пустыннымъ обычаямъ, постовъ бы не разрѣшали, а въ разрѣшенные дни дважды, а не трижды яли, и между трапезами не яли бъ. И въ келіяхъ безпреградно съ женскимъ поломъ не жили и съ зазорными лицы сожитія бы не имѣли и юнніи въ кельи, въ коихъ также есть женскій полъ, не ходили бы, въ лѣсъ бы съ женскимъ поломъ самъ другъ не ходили бъ. И о всякомъ благочиніи пустынномъ надзирать, а безчинныхъ съ выборными по приговорамъ старшихъ на-

казывать, а на противищихся ко мнѣ старостѣ писать. Староста Ѳедоръ Ларіоновъ».

24-го августа Синодъ опредѣлилъ еще разъ допросить Арсенія обстоятельно. На этомъ второмъ допросѣ Арсеній сообщилъ нѣкоторыя новыя подробности о себѣ лично и о раскольникахъ, среди которыхъ жилъ шесть лѣтъ бѣльцомъ подъ мірскимъ именемъ Алексѣя Иларіонова, и лѣтъ пятнадцать монахомъ подъ именемъ Арсенія. По смерти своего отца онъ отданъ былъ матерью въ наученію граматѣ, часослову и псалтири дьячку Макарію Потапову, потомъ жилъ въ Новгородѣ же у дяди своего купецкаго человѣка Семена Васильева Жулева и по его порученію ѣздилъ съ товарами въ Стокгольмъ. Поселившись въ раскольничьемъ скитѣ имѣлъ своимъ духовникомъ простаго монаха Игнатія и трижды причащался оныхъ раскольниковъ сухими запасными дарами,— гдѣ они ѣмлютъ то причастіе онъ не знаетъ. На господскіе праздники раскольники пекутъ просфоры съ осьмиконечнымъ крестомъ и раздаютъ чернцамъ и бѣльцамъ по отпѣтіи часовъ и молебна. Для поѣздки въ Петербургъ онъ воспользовался пашпортомъ бѣльца Ѳедора Иванова потому, что онъ, ландратъ Муравьевъ, ему Арсенію, на его имя пашпорта не далъ, такъ какъ такого указа, чтобы монахамъ выговскимъ давать пашпорты ему не было, а велѣно давать пашпорты лишь бѣльцамъ для отъѣзда въ города для торговъ и промысловъ. Бранился и буйствовалъ въ домѣ преосвященнаго Ѳеофана потому, что былъ пьянъ — служащіе въ архіерейскомъ домѣ монахи напоили, въ чемъ проситъ прощенія. Св. Синодъ 11 ноября опредѣлилъ: допросивъ Арсенія о его родственникахъ-новгородцахъ, не раскольники-ли (Арсеній показалъ, что они православные) и не знаетъ-ли онъ чего нибудь еще о расколѣ, по силѣ правилъ Петра Александрійскаго въ православіе по желанію его принять, исповѣдать и послѣ публичнаго проклятія имъ всѣхъ раскольническихъ ересей въ Троицкой церкви, въ воскресный день, причастить св. Таинъ, и затѣмъ отпустить его для пребыванія въ братствѣ въ Соловецкій монастырь, давъ прогоны на одну подводу изъ синодальной казны на одного изъ синодальныхъ солдатъ до Вологды, отъ Вологды до Устюга, отъ Устюга до

Холмогоръ, отъ Холмогоръ до Соловокъ давать ему провожатыхъ по одному человѣку и въ дорожномъ пути хранить отъ всѣхъ обидъ. Но прежде, чѣмъ приведено было въ исполненіе это опредѣленіе Синода, Арсеній еще разъ набуянилъ въ канцеляріи Синода. Бывъ отпущенъ съ караульнымъ солдатомъ въ воскресный день къ литургіи въ церковь Воскресенія Христова и для прошенія милостыни, онъ вмѣстѣ съ солдатомъ зашелъ во дворъ свѣтлѣйшаго Меньшикова. Здѣсь маршалокъ далъ ему хлѣба и рыбы и поднесъ водки, которой Арсеній выпилъ три рюмки, да особо бутылку, которую по дорогѣ роспили солдаты. Захмѣлевъ и придя въ помѣщеніе свое въ синодальной канцеляріи, Арсеній сталъ кричать караулъ и ругать всѣхъ матерно, лежа необычно. Дневальный канцеляристъ донесъ о томъ преосвященному Аѳанасію, который произвелъ дознаніе. Оказалось, что позволенія отлучаться въ церковь и для прошенія милостыни Арсенію дано не было и за самовольное дозволеніе этой отлучки двое караульныхъ солдатъ по опредѣленію Синода были смирены плетьми нещадно, дабы впредь другимъ чинить то было неповадно.

6. Важное дѣло протопопа Петра Григорьева.

Сержантъ Преображенскаго полка Иванъ Казимеровъ подалъ, чрезъ оберъ-секретаря Св. Синода Палехина, князю И. Ѳ. Ромодановскому челобитную, въ которой жаловался, что Синодальный ассесоръ Троицкій протопопъ Петръ Григорьевъ безъ всякой причины назвалъ его люторомъ и папистомъ, напрасно причитая его къ еретичеству. Казимеровъ говорилъ протопопу, что у насъ-де есть учители—св. Синодъ и преосвященные архіерея Тверской, Новгородскій, Псковскій и прочіе, но тотъ продолжалъ утверждать поносительно: «то тоже научили тебя люторы, которые имѣютъ у себя Катерину». Бывшій при этомъ протопопъ Иванъ Семеновъ въ тѣхъ противныхъ словахъ протопопу Петру запрещалъ: полно-де о томъ говорить, развѣ-де какая поганая Катюшка? Казимеровъ въ этомъ выраженіи заподозрилъ, должно быть, дерзость противъ Ея Величества, потому что обратился не съ жалобой на свою личную обиду въ св. Синодъ, а съ до-

носомъ въ страшную Преображенскую Канцелярію, воспользовавшись совѣтомъ и услугами жившаго съ Григорьевымъ не въ ладу оберъ-секретаря Палехина. Казимеровъ просилъ Преображенскую Канцелярію допросить Григорьева, въ какой силѣ называлъ его люторомъ и папистомъ, и кто учители его имѣютъ Катерину. Получивъ доношеніе Преображенской Канцеляріи о высылкѣ Григорьева, св. Синодъ опредѣлилъ, чтобы Григорьевъ въ Преображенскую Канцелярію явился того же числа неотложно, что и было исполнено. Іюня 25 Канцелярія въ доношеніи Синоду сообщила, что по доношенію Казимерова, важности, касающейся послѣдованію Преображенской Канцеляріи не оказалось, что по приговору Ромодановскаго велѣно почелобитью Казимерова слѣдовать въ св. Синодѣ. Дѣло въ томъ, что по допросѣ всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ подъ присягой и по священству, подъ угрозой смертной казни, въ Преображенскомъ Приказѣ, оказалось слѣдующее. 16 числа мая сенатскій протоколистъ Григорій Ивановъ справлялъ поминки по своей женѣ. Приглашены были на обѣдъ: Троицкій протопопъ Иванъ Семеновъ, церкви Рождества Богородицы попы Иванъ Степановъ и Тимоѳей Семеновъ, Самсоньевской церкви попъ Терлецкій, нѣкоторые другіе попы и дьяконы, бывшій дьякъ Андреянъ Ратмановъ, лекарь Никифоръ Клосиновъ, стольникъ Иванъ Мотовиловъ, бывшій тверской фискалъ Иванъ Сидоровъ и— сержантъ Казимеровъ. За обѣдомъ сержантъ завелъ рѣчь съ попомъ Терлецкимъ о томъ, что римскій папа—антихристъ, нынѣ-де мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Терлецкій возразилъ Казимерову: почему ты свѣдалъ, и гдѣ о томъ читалъ, что папа римскій—антихристъ? Не твое это дѣло говорить: ни ты учитель, ни законникъ. Степановъ добавилъ: коли онъ Казимеровъ признаетъ уже антихриста въ мірѣ, то и Христову пришествію быть надлежитъ; но о семъ никто не вѣсть, токмо единъ Богъ. Хозяинъ дома, вступивъ въ разговоръ, принесъ апостолъ, и отыскавъ посланія Петрова и Іоаннова говорилъ, что Казимеровъ то говоритъ напрасно. Казимеровъ сталъ выхвалять Люторское ученіе: лучше-де римскаго. Священники возразили: кто-де ученье еретика хвалитъ, тотъ самъ еретикъ. Люторъ-де отъ восточныя церкви

проклятъ, попы люторскіе—непосвященные, а римскіе, хотя и отпадшіе, имѣютъ посвященье. Послѣ того вступилъ въ разговоръ Григорьевъ: папежство-де не такъ противно какъ люторство; Люторъ былъ монахъ, и взялъ женку монахиню Катерину и родилъ съ нею трехъ сыновъ, таинства отвергалъ, монашество обругалъ,—многихъ отъ греческаго закона отторгъ, о томъ-де напечатано въ книгѣ Ѳеатромѣ (Ѳеатронъ). 27 мая было снова собраніе тѣхъ-же лицъ у Иванова, при чемъ присутствовалъ и соловецкій архимандритъ Ворсонофій. Встрѣтившись съ Казимеровымъ, протопопъ Петръ Григорьевъ сказалъ: ты, значитъ Люторъ, какъ хвалишь люторскую вѣру? Что ты, отвѣчалъ Казимеровъ,—посмотри бачка, за собою, кто ты такой,—не о своей головѣ, видно, говоришь; «я не папистъ и не люторъ, а сущій христіанинъ», «я-де сынъ восточной церкви, и имѣю учителей преосвященныхъ архіереевъ Новгородскаго, Тверскаго, Псковскаго и прочихъ». «Это хорошо, и учителей имѣетъ изрядныхъ, возразилъ о. Петръ; но полно, не такъ-ли тебя училъ, что держалъ Катерину»? Но этотъ разговоръ прекратился и Казимеровъ въ слѣдъ за тѣмъ подалъ челобитную... Св. Синодъ 4 Іюля опредѣлилъ: о непристойныхъ, до св. Синода касающихся Казимерова рѣчахъ выписать приличныя къ тому правила и указы, а протопопу Петру быть въ своемъ званіи по прежнему, и буде похочетъ удовольствованія, о своей обидѣ на Казимерова бить челомъ гдѣ тотъ подсуденъ.

7. Новгородскіе дворяне Висленевы.

Нѣкая Агафья Тимоѳеева, урожденная Вындомская, по первому мужу Качалова, вышла во второй разъ замужъ за Петра Денисова Висленева и жила съ мужемъ двадцать семь лѣтъ. Въ февралѣ 1719 года Петръ Висленевъ съ сыномъ своимъ отъ перваго брака Гаврилой Петровымъ, призвавъ невѣдомо какого монаха, (въ послѣдствіи оказалось, что то былъ Новгородскаго уѣзда Бѣжецкой пятины Николаевской Осиновской пустыни іеромонахъ Корнилій) «по невольному того ея мужа и пасынка принужденію» постригли ее въ монашество, и по постриженіи, въ тотъ же день отправили ее

на Тихвину, и привезши ее туда, люди ихъ покинули ее по приказу ихъ, а вклада ни въ которой монастырь ей на пропитаніе не оставили, и кельи ей не купили; еще раньше мужъ съ пасынкомъ посадивъ ее въ чепь, сковавъ руки и ноги, и бивъ смертнымъ боемъ, написали отъ ея имени о приданыхъ ея отцовскихъ и отъ перваго мужа вотчинахъ и дворовыхъ людяхъ поступное письмо на имя Гаврилова сына Игнатія, къ тому письму велѣли Жероховскаго погоста выставки Любитино попу Ларіону приложить руку. О пострижевіи Висленевой въ монахини іеромонахъ Корнилій разсказалъ на допросѣ слѣдующее: Петръ и Гаврила Висленевы прислали къ строителю Осиновской пустыни іеромонаху Іонѣ письмо съ требованіемъ отъ него къ нимъ въ домъ для нѣкоторой нужды іеромонаха: строитель отправилъ его, Корнилія. По прибытіи его въ домъ Висленевыхъ, Петръ объявилъ ему, что жена его хочетъ постричься; когда на его вопросъ: есть-ли о томъ постриженіи указъ, Петръ отвѣчалъ отрицательно, Корнилій хотѣлъ было уѣхать назадъ, но былъ удержанъ насильно, до слѣдующаго дня, когда Висленева ему объявила, что она идти въ монахини не хочетъ, но за страхомъ противиться мужу не смѣетъ и спорить не будетъ. Затѣмъ Гаврила Висленевъ принесъ монашеское облаченіе, Петръ Висленевъ заявилъ Корнилію, что если онъ не исполнитъ ихъ требованія, то не быть ему въ томъ монастырѣ. Послѣ сего Корнилій совершилъ надъ Висленевой обрядъ постриженія по требнику, имъ привезенному, при чемъ пѣлъ Гаврила Висленевъ. Возвратившись въ монастырь, Корнилій объявилъ о постриженіи имъ Висленевой строителю, а въ Новгородскій архіерейскій разрядъ не донесъ по простотѣ, за что преосвященнымъ Аарономъ, Новгородскимъ викаріемъ, ему запрещено было священнослуженіе и онъ сосланъ подъ начальство. Затѣмъ Висленева обратилась къ Новгородскому архіепископу Ѳеодосію (20 мая 1721 года) съ прошеніемъ, въ которомъ разсказавъ предъидущее, спрашивала жить ли ей монахиней или быть бѣлицей. Преосвященный Ѳеодосій, согласно ея желанію, руководясь извѣстными церковными законоположеніями, опредѣлилъ: то невольное монашество ей оставить и въ мірѣ жить. Что касается возвращенія ей отня-

таго ея мужемъ и пасынкомъ имѣнія, то преосвященный указалъ ей искать о томъ въ свѣтскомъ судѣ. Получивъ на свое разсмотрѣніе дѣло Висленевой по ея прошенію о возвращеніи ей имущества, отнятаго мужемъ и пасынкомъ, (причемъ Висленевой представлены подробныя свѣдѣнія какъ о ея имуществѣ, такъ и о дѣйствіяхъ ея мужа), Государственная Вотчинная Коллегія обратилась въ св. Синодъ съ запросомъ: въ числѣ свѣтскихъ людей Висленевой быть надлежитъ-ли и при рѣшеніи этого вопроса можно-ли принять за основаніе выданное ей изъ келейной конторы Новгородскаго архіерея указъ за подписью одного лишь секретаря Семенова, въ которомъ прописана приведенная выше резолюція архіепископа Ѳеодосія. Св. Синодъ 17 августа опредѣлилъ: дать знать указомъ въ вотчинную Коллегію, что помянутый указъ изъ Келейной конторы преосвященнаго Ѳеодосія данъ правильно, ибо монашество требуетъ не принужденнаго, но самопроизвольнаго къ воспріятію иноческихъ трудовъ намѣренія, а оная вдова такого намѣренія какъ въ то время, такъ и по нынѣ не имѣетъ, какъ видно изъ ея прошеній.

8. Шестаковъ и Полѣновъ.

Насильственное постриженіе въ монашество женъ мужьями вообще не было явленіемъ исключительнымъ и рѣдкимъ въ XVIII столѣтіи. Вотъ другой случай, подобный предъидущему. Маэоръ Иванъ Шестаковъ въ 1704 г. женился на Натальѣ Ивановой Полѣновой, при чемъ тесть далъ ему въ приданое свои родовыя недвижимыя имѣнія въ Ярославскомъ, Пошехонскомъ и Московскомъ уѣздахъ. Шестаковъ билъ жену и мучилъ до увѣчья, наконецъ черезъ семь лѣтъ послѣ женитьбы, 1712 г. привезъ ее въ Севастьянову пустыню (Пошехонскаго уѣзда) и уговорилъ строителя оной Гавріила постричь ее въ монахини. Постриженіе произошло, по заявленію Шестаковой, писанному за рукою ея отца, безъ указа епархіальнаго архіерея, и, какъ показывала послѣ Шестакова, состояло въ томъ, что отрѣзавъ отъ полы свитки своей лоскутъ, строитель положилъ его на Шестакову и сказалъ ей, что она пострижена, причемъ далъ ей имя Ирина. При

этомъ Шестаковъ вынудилъ Полѣнова особою записью передать ему въ собственность приданое своей дочери. Послѣ этого Шестакова поселилась въ Ярославлѣ, въ женскомъ монастырѣ, получая на содержаніе часть родоваго имѣнія отца въ Московскомъ уѣздѣ, а Шестаковъ женился вторично на нѣкоей Ѳедосьѣ. Проживъ полученную часть имѣнія (вѣроятно незначительную: въ своемъ прошеніи Шестакова писала, что ея «приданаго—платья, низанья, помѣстья и вотчинъ» Шестаковъ ей «ничего не отдалъ»), Шестакова покинула монастырь и должна была вмѣстѣ съ отцемъ своимъ скитаться «между дворовъ». Въ 1715 г. Шестаковъ умеръ и вторая жена его била челомъ объ отдачѣ ей имѣнія ея мужа, ссылаясь на письмо Натальи Шестаковой мужу, данное при постриженіи, о томъ, что она, волею Божьею, заскорбѣла тѣлесною болѣзнію, почему жить ей съ мужемъ невозможно, и она по обѣщанію своему желаетъ постричься, а ему жениться свободно (письмо это писано въ Пошехоньѣ, у крѣпостныхъ дѣлъ, за рукою отца Натальи и за свидѣтелевыми руками), а также на дарственную запись Полѣнова Шестакову, писанную также у крѣпостныхъ дѣлъ въ Пошехоньѣ за подписью Полѣнова и свидѣтелей, о томъ, что все, что дано имъ въ приданое дочери, онъ, въ слѣдствіе добровольнаго ея, за болѣзнію, постриженія, передаетъ ему Шестакову, а ему, Полѣнову, дѣтямъ и родственникамъ его до того помѣстья и дому и людей дѣла нѣтъ, и Натальѣ на Шестакова челомъ не бить. 11 Генваря 1716 г. Наталья Шестакова съ своей стороны подала челобитную, въ которой разсказавъ какъ она была пострижена насильно, какъ у ея отца, въ безпамятствѣ его, была вынуждена дарственная запись Шестакову на ея приданое, объяснила, что она въ 1712 г. била челомъ епископу Ростовскому Досиѳею, чтобы изъ Духовнаго Приказа, изъ Ярославля съискать ея мужа и взять отъ него въ ея пользу ея пожитки и приданое; что архіерей приказалъ Шестакову взять къ себѣ ее, Наталью, но онъ учинился непослушенъ, что послѣднюю архіерей послалъ въ село Спасское Ярославскаго уѣзда, преображенскому попу Симеону указъ, чтобы мужа ея и его мать «церковнаго входа отлучить и сказать ему проклятіе». Въ

1716 г. вслѣдствіе этихъ двухъ прошеній изъ Помѣстнаго Приказа послана память Ростовскому епископу о томъ: которая изъ женъ Шестакова вмѣняется ему законною. Въ отпискѣ Досиѳей подтвердивъ справедливость вышеприведеннаго разсказа Шестаковой, дополнялъ, что предъ смертію Шестаковъ обѣщалъ свое имѣніе отдать Натальѣ, вслѣдствіе чего отъ запрещенія имъ, архіереемъ, разрѣшенъ, и что вообще законною женою умершаго Шестакова онъ признаетъ Наталью. Тоже самое Досиѳей сообщалъ въ частномъ письмѣ къ протопопу Московскаго Успенскаго собора Ѳедору Панкратьеву отъ 14 февраля 1716 г. 20 іюня 1716 г. Духовный Приказъ Ростовской епархіи въ памяти въ Помѣстный Приказъ сообщилъ свѣдѣнія по дѣлу Шестаковыхъ, добытыя произведеннымъ въ немъ слѣдствіемъ, тождественныя съ показаніями Досиѳея. Затѣмъ Помѣстный Приказъ сносится по этому дѣлу памятью съ Патріаршимъ Духовнымъ Приказомъ, спрашивая его заключенія по вопросу о томъ, которая изъ женъ Шестакова должна быть признана законною. Патріаршій Приказъ въ отпускѣ не далъ отвѣта на вопросъ Помѣстнаго Приказа, а выписавъ относящіяся къ этому предмету церковныя правила, привелъ два аналогичныхъ случая изъ церковной практики патріарха Іоакима и митрополита Стефана Яворскаго. Въ 196 (1688 г.) нѣкто Іевъ Ивановъ и жена его Елена Иванова просили развода въ пользу Іева, на томъ основаніи, что Елена скорбѣетъ великою скорбію и обѣщалась постричься, но просьба ихъ осталась безъ разсмотрѣнія; въ 1707 г. 2 іюня стряпчій Глѣбъ Даниловъ Черницовъ просилъ о разводѣ съ своею женою Анной Петровой, которая скорбна была падучею скорбію и животною болѣзнію; пр. Стефанъ опредѣлилъ, согласно желанію Анны постричь ее въ монашество, а Черницову позволить жениться вторично. Черницовъ женился въ Смоленскѣ съ вѣнечною памятію; но въ 1708 г. митрополиту Смоленскому Сильвестру подано было «незнамо какое ложное доношеніе», въ которомъ сообщалось, что первая жена Черницова, бѣлица бродитъ и убытчится; Черницовъ подавалъ по этому случаю прошеніе, вслѣдствіе котораго изъ Патріаршаго Приказа преосв.

Сильвестру былъ посланъ указъ, что Анна Черицова точно пострижена въ Никитскомъ монастырѣ въ Москвѣ съ именемъ Александры и что по правиламъ святымъ Черицовъ свободенъ отъ нея. «И другіе подобные симъ дѣла въ Патріаршемъ духовномъ Приказѣ при святѣйшихъ патріархахъ и въ межпатріаршество при преосвященныхъ митрополитахъ о постриженіи женъ и мужей обручившихся на другихъ женахъ есть многія», прибавлено въ концѣ отписки.

Вотчинная коллегія, сообщая въ видѣ экстракта все вышеизложенное Св. Синоду, въ доношеніи отъ 16 ноября 1726 года просила рѣшенія Синода по вопросу о томъ, которая изъ двухъ женъ Шестакова законная,—такъ какъ послѣ Натальи Шестаковой о томъ спорномъ имѣніи бьетъ челомъ сестра ея Катерина Филипова Шенгурская. Св. Синодъ 12 декабря опредѣлилъ: первую жену Шестакова, хотя бы она и подлинно была пострижена, но по принужденію, и нынѣ ее за законную жену Шестакова имѣть, а Өедосью въ законную жену Шестакова причитать не надлежитъ. Въ основаніе своего рѣшенія Св. Синодъ положилъ, какъ доказанные факты, насильственнаго ея постриженія строителемъ Гавріиломъ, за что тотъ строитель тяжкому истязанію повиненъ, и слова Евангелія Мө. V, 31, 32, Марка X, 11 и 12, Лук. XVI, 18 и Матөея гл. XIX.

9. Церковное запрещеніе за обиды священнику.

Шелонской пятины дворянина Андрея Иванова Мордвинова жена Пелагея Ефремова съ дѣтьми и людьми своими, придя въ домъ той же пятины Бѣльскаго погоста выставки Коротска попа Аөанасія Степанова, пограбили имущество его безъ остатка, работницу его били смертно, отомкнувъ амбары и сорвавъ замокъ съ задней избы, забрали и оттуда многіе пожитки и свезли къ себѣ въ усадьбу. Затѣмъ связавъ самого попа и попадью, взяли къ себѣ въ усадьбу жъ, попа скованнаго отвезли въ Новгородъ, къ Мордвинову, который не жалуясь на него въ архіерейскій разрядъ, какъ бы слѣдовало, привелъ его скованнаго же въ Новгородскую провинціальную канцелярію и объявилъ, что онъ, попъ, его

Мордвинова, обокралъ. Жену его въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ также привезли въ Новгородъ; а пятерыхъ дѣтей его малолѣтнихъ оставили на его дворѣ и морятъ голодомъ. Попъ Аѳанасій подалъ жалобу на такія дѣйствія Мордвинова въ архіерейскій разрядъ, который промеморіями дважды требовалъ присылки Аѳанасія въ оный разрядъ, такъ какъ не только лица духовныя, но даже и міряне подчиненные Синоду, вѣдомы судомъ въ архіерейскихъ разрядахъ. Получивъ доношеніе о вышеизложенномъ отъ стряпчаго Новгородскаго архіерейскаго дома, Св. Синодъ 24 марта опредѣлилъ: для лучшей вѣрности потребовать доношенія по этому дѣлу изъ Новгородской консисторіи, за руками всѣхъ тамошнихъ управителей, дабы Св. Синоду, ища сатисфакціи, напраснаго не понести нареканія, если стряпческая явится неправда. Послѣдовало второе доношеніе, совершенно тождественное съ первымъ, за подписью самого преосв. Ѳеофана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доношеніе Новгородской провинціальной канцеляріи, которая объясняла, что попъ Аѳанасій, по приводу Мордвинова и по свидѣтельству, довелся къ розыску, между тѣмъ консисторія съ него чина не снимаетъ и отъ того въ рѣшеніи дѣла чинится остановка. Св. Синодъ 21 декабря 1726 г. опредѣлилъ: такъ какъ по силѣ Высочайшихъ указовъ отъ 15 марта 1721 г. и 21 генваря 1724 г. духовныхъ персонъ, обвиняемыхъ въ партикулярномъ злодѣяніи (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) слѣдуетъ отсылать къ Синоду, пока оные до гражданскаго суда приличны будутъ, и на духовныхъ въ бою, кражѣ, брани нигдѣ не бить челомъ, какъ только въ Синодъ, то Новгородской провинціальной канцеляріи отослать попа Аѳанасія къ слѣдованію въ Новгородскій архіерейскій домъ не отложно, дѣтей его, томящихся у Мордвинова, освободить немедленно, а въ Св. Синодъ отвѣтствовать, для чего канцелярія ни съ архіереемъ ни съ консисторіею не списавшись, взяла попа Аѳанасія съ его женой, приняла отъ Мордвинова челобитную и въ дѣйство произвела помимо духовнаго суда, и даже послѣ двухъ требованій консисторіи не отослала въ оную обвиняемаго? Онаго Мордвинова и жену его, ежели они подлинно такую дерзость сами собой учинили, до исправленія запре-

тить отъ входа церковнаго и въ домъ ихъ съ освященными потребами до указа не входить. Затѣмъ Новгородскаго архіерейскаго дома управителю донесли 7 марта 1727 г., что попъ Аѳанасій, освобожденный подъ росписку изъ Новгородской губернской канцеляріи, отпущенъ былъ въ С.-Петербургъ для ходатайства предъ преосвященнымъ Ѳеофаномъ. Что касается Мордвинова, то судія Новгородскаго архіерейскаго дома 5 февраля 1732 г. донесъ, что онъ, по объявленіи ему синодальнаго указа о его запрещеніи, пребываетъ въ необращеніи и непокорствѣ Св. Синоду и преосв. Ѳеофану, въ упрямствѣ своемъ не требуетъ ни себѣ, ни женѣ своей разрѣшенія. Дѣло тянулось до февраля 1738 г. Попъ Аѳанасій оказался виновнымъ въ кражѣ у Мордвинова нѣкоторыхъ вещей, по крайней мѣрѣ такъ значится въ производствѣ о немъ, доставленномъ въ Синодъ изъ Новгородской губернской канцеляріи, гдѣ онъ, будто бы винился предъ Мордвиновымъ и просилъ прощенія у него при свидѣтеляхъ. Отпросясь въ С.-Петербургъ, онъ скрылся изъ Коротека (въ 1732 г.), ушелъ въ Псковъ, здѣсь опредѣлился священникомъ въ Псковскій полкъ, оттуда перешелъ въ Выборгъ священникомъ Пермскаго полка и тамъ умеръ (въ 1732 г.). Точно также Мордвиновъ былъ присланъ въ Синодъ (по опредѣленію Синода, отъ 8 генваря 1733 г.) для слѣдствія, подалъ здѣсь прошеніе о разрѣшеніи его отъ запрещенія. Не получивъ таковаго, Мордвиновъ обратился съ жалобой въ Сенатъ, который въ вѣдѣніи Св. Синоду энергически заступался за Мордвинова, указывая на то, что самая церковь, при которой служилъ Аѳанасій, была построена Мордвиновымъ, да кромѣ того свидѣтельскими показаніями попъ Аѳанасій уличается несомнѣнно въ кражѣ у Мордвинова, въ слѣдствіе чего воевода Новгородскій Стрешневъ дважды требовалъ у Консисторіи промеморіями, чтобы попъ Аѳанасій былъ обнаженъ сана. Въ заключеніе своего вѣдѣнія Сенатъ предлагалъ Синоду, «чтобы изволилъ разсмотрѣть, дабы отъ такого отлученія отъ Церкви не стали умирать безъ покаянія и причастія». Св. Синодъ 6 іюля 1733 г. опредѣлилъ: вытребовать въ Синодъ все производство по дѣлу попа Аѳанасія какъ изъ Новгородской консисторіи, такъ и изъ Нов-

городской губернской канцеляріи, а Мордвинова отослать въ юстицъ-коллегію, за то что 1) въ своемъ прошеніи назвалъ Аѳанасія завѣдомымъ воромъ, тогда какъ было о немъ еще не разсмотрѣно и далеко не рѣшено; 2) за то, что онъ сказалъ, будто запрещеніе на него, Мордвинова, наложилъ преосвященный Ѳеофанъ между тѣмъ какъ запрещеніе наложено Св. Синодомъ, за презрѣніе Высочайшаго указа на докладныхъ трактахъ Синода, поданныхъ 15 марта 1721 г. Неизвѣстно, что было затѣмъ. 12 августа 1737 г. сынъ Мордвинова солдатъ Семеновскаго полка въ доношеніи Синоду, сообщая о смерти отца въ 1736 г., просилъ разрѣшенія отъ церковнаго запрещенія для себя и своей матери. Прошеніе его подкрѣпилъ ходатайствомъ своимъ (отъ 28 августа 1737 г. подполковникъ Семеновскаго полка Ушаковъ. Св. Синодъ 16 генваря 1738 г. по доношенію генерала и кавалера Ушакова и прошенію Мордвиновой, опредѣлилъ: когда она, вдова, въ томъ, за что съ мужемъ своимъ подъ то запрещеніе подпала, принесетъ истинное покаяніе, то и о разрѣшеніи тогда усмотрѣно быть имѣетъ по тому ея покаянію. Наконецъ 16 марта 1738 г. Св. Синодъ опредѣлилъ: ежели Мордвинова въ томъ грѣхѣ, за который съ мужемъ своимъ запрещеніе подняла, принесетъ предъ отцемъ своимъ духовнымъ истинное покаяніе, то ее отъ того запрещенія разрѣшить, и, по исповѣди, св. таинъ сподобить, и съ церковными требами священнослужителямъ ходить въ домъ къ ней позволить; буде же и мужъ ея до смерти своей въ томъ грѣхѣ приносилъ покаяніе истинное, и просилъ прощеніе, то и его отъ запрещенія разрѣшить же.

Н. Барсовъ.

Изъ «Странникъ». № 8. 1882 г.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 4 Сентября 1882 г.

Цензоръ, Архимандритъ *Арсеній*.

Типографія Ѳ. Елеонскаго и К°. Невск. пр., д. № 134.


2007043161